

ЕВГЕНИЙ
СУХОВ

ТАЙНЫЙ УЗЕЛ

Евгений Сухов

Тайный узел

Серия «Тревожная весна 45-го. Послевоенный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69300868

Тайный узел: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-188142-9

Аннотация

В квартире найден мертвым коммерсант Модест Печорский. Судя по предсмертной записке, он покончил собой. К такому выводу пришли представители прокуратуры. Однако начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Виталий Щелкунов не согласен с подобной версией. Внимательно изучив подробности личной жизни покойного, майор выясняет, что в последнее время у Печорского не было причин для добровольного ухода. Но в тот роковой день случилось что-то из ряда вон выходящее, за что коммерсанту пришлось заплатить своей жизнью...

Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

Содержание

Глава 1. Труп в доме на Грузинской улице	6
Глава 2. Самоубийство или его имитация?	16
Глава 3. Вопросы без ответов	41
Глава 4. У майора Щелкунова опять забирают дело	56
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Евгений Сухов

Тайный узел

© Сухов Е., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Глава 1. Труп в доме на Грузинской улице

В этом году зима выдалась на удивление снежной. Сугробы будто могучие атланты подпирали крыши домов. Было безветренно, и деревья, одетые в пышные снежные шубы, стояли неподвижно. Волга, покрытая толстыми пластами снега, выглядела длинным белоснежным, убегающим вдаль полем. Лед на реке, крепчавший день ото дня, превратился в надежную переправу, по которой с одного берега на другой нескончаемыми колоннами переправлялись многотонные грузовики.

Зимнее ночное небо, обычно темное, закрытое в это время года белесой дымкой, в последний день декабря было ясным. В вышине сверкали звезды, свет от которых отражался на снегу, вспыхивая яркими веселыми искорками.

— Ну что, товарищи, давайте проводим сначала старый год, — обратился к сидящим за столом начальник городского управления связи Геннадий Васильевич Стрешнев и неспешно поднялся со своего места. — Уходящий год, надо признать, был очень даже неплохим. Нам всем в этом году значительно повысили должностные оклады, совсем недавно отменили карточки. Была проведена серьезная денежная реформа, ударившая в первую очередь по людям, имев-

шим излишки накоплений, полученных в большинстве своем нечестным путем. И в этом ее благо... Нам же с вами, простым труженикам, — обвел лучезарным взором коллег Геннадий Васильевич, — смена денег не принесла никаких финансовых потерь. Поскольку наши накопления — это знания, опыт и настоящее мастерство в выбранной нами профессии. Ведь мы и в годы войны, и сегодня честно исполняли свой долг и можем спокойно смотреть людям в глаза. Мы победили опасного врага в лице фашистской Германии и теперь просто обязаны жить счастливо. И мы будем жить счастливо! — повысил голос Стрешнев, снова оглядывая присутствующих и своим взглядом призывая разделить всех его мысли и настроение. — Так что давайте выпьем за прошедший одна тысяча девятьсот сорок седьмой год и будем надеяться, что каждый последующий год будет приближать нас к исполнению самых заветных желаний...

Тост получился длинным, однако никто из сидящих за столом не роптал. И не потому, что поздравлял их начальник, которого надлежало слушать при любых обстоятельствах. А оттого, что сказанное трогало душу каждого из присутствующих. Поэтому, спокойно дождавшись окончания долгого тоста, коллеги дружно и с улыбками выставили вперед рюмки; над центром стола прозвучал задорный стеклянный звон, после чего все выпили.

После первой рюмки, как водится, наступило некоторое затишье, изредка прерываемое короткими емкими фразами

вроде: «Будьте так добры, передайте мне вот того салатика» или «Вам что налить, портвейну или, может, все-таки водочки?», Давайте я за вами поухаживаю? Вам колбаски?» Обстановка становилась почти домашней, люди расслабились, и в это самое время раздался пронзительный крик. Это был крик ужаса, отчего у гостей и у самого начальника городского управления связи по спине побежали мурашки.

– Кто бы это мог быть? – взволнованно посмотрела на мужа Мария Стрешнева.

– Странно все это... Пойду гляну, – на правах хозяина квартиры сказал Геннадий Васильевич и вышел из-за стола.

– погоди, я с тобой, – деловито произнес заместитель Стрешнева Марат Ренатович Сабиров и шаркнул ножками стула по деревянному полу.

Вдвоем они прошли в коридор и решительно распахнули входную дверь.

– Помогите! – бросилась к ним соседка из квартиры напротив. На женщине не было лица. Точнее сказать, лицо, как таковое, конечно же, присутствовало, но оно выглядело мертвенно-серым, отчего очертания его смазывались и лицо казалось невыразительным пятном. – Там, там... – указала она на раскрытую дверь своей квартиры. И замолчала, не в силах вымолвить ни слова.

Мужчины переглянулись и, оставив за своими спинами плачущую соседку, осторожно перешагнули в полутемную прихожую. Свет горел только в гостиной, в коридор про-

никал лишь рассеянный сумрак. Они дошли до полуоткрытой двери в гостиную и оцепенели от неожиданной картины: с тыльной стороны двери, спиной к ней, висел в петле довольно тучный человек. Это был их сосед Модест Печорский, не столь давно поселившийся в их старом доме. Носки ног Печорского были вытянуты книзу, как будто бы покойник в последний момент попытался опереться об опору, вот только отыскать ее не сумел.

Только теперь Стрешнев и его заместитель Сабиров заметили тонкую белую бельевую веревку, одним концом привязанную к ручке, а другим, с петлей, перекинутую через верх двери. Поскольку двери в их доме повышенной комфортности были высокие, ноги человека, висевшего на двери, не доставали до пола сантиметров на сорок. Рядом на дощатом полу лежала опрокинутая табуретка. Все было ясно: человек решил свести счеты с жизнью. И добился желаемого...

* * *

Геннадий Васильевич Стрешнев с супругой получили квартиру в специально и только что построенном для инженерно-технических работников (тогда еще Наркомата связи) четырехэтажном доме на улице Грузинской в тридцать седьмом году. Стрешнев в то время уже работал старшим инженером, поэтому ордер ему был выдан на отдельную, правда, однокомнатную квартиру в первом подъезде. Второй и тре-

тий подъезды дома имели только коммунальные квартиры, предназначенные для работников Наркомата связи должностями пониже. Дом был в городе Казани одним из немногих, имевших центральное отопление и ваннные комнаты, в том числе и в коммунальных квартирах.

Дом повышенной комфортности был построен в стиле классицизма и по индивидуальному проекту. Построили его на месте снесенной в одна тысяча девятьсот тридцать третьем году трехпрестольной церкви Грузинской иконы Божией Матери. Дом имел внушительные, в три этажа, греческие колонны со стороны фасада, венчающиеся лепниной; на карнизе красовался византийский орнамент и завитки. Большие балконы и окна являлись предметами особой гордости хозяев дома, имелась также массивная балюстрада на крыше – в городе домов подобного типа больше не было. Проживать в таком современном благоустроенном здании считалось большой жизненной удачей и признанием заслуг, что поднимало обладателя квартиры или комнаты в собственных глазах.

Когда у Стрешневых родилась дочь, а сам глава семьи сделался начальником городского управления связи, он получил в том же подъезде уже трехкомнатную квартиру на втором этаже. Случилось это в тысяча девятьсот сорок четвертом году. Дом повышенной комфортности на Грузинской улице считался одним из престижных в городе, поэтому в нем, помимо рабочих и служащих Наркомата связи, мечта-

ли поселиться многие, по роду службы или работы никак не связанные с Наркоматом, а с марта тысяча девятьсот сорок шестого года – Министерством связи СССР. Получалось поселиться в этом доме лишь у редких счастливиц. В частности – у директора одного из городских техникумов и известного драматурга, пьесы которого шли во многих театрах республики и всей страны. У Модеста Вениаминовича Печорского – тоже получилось. Ибо всегда находятся люди, которым по тем или иным причинам удастся то, чего не удастся абсолютному большинству других людей. В 1946 году Модест Печорский поселился как раз против Стрешневых. И сюда же через пару месяцев он привел свою молодую жену Нину, кареокую двадцатитрехлетнюю красавицу.

Не было ничего удивительного в том, что мужчина пятидесяти семи лет возжелал иметь рядом молоденькую и привлекательную женщину. Такое случается со многими. Тому есть вполне логичные объяснения: мужчины в возрасте значительно молодеют, когда находятся в обществе молоденьких женщин. В сравнении со своими ровесниками такие мужчины выглядят моложаво и подтянуто, у них возникает потребность следить за собой. Многие отказываются от дурных привычек, не экономят на парфюме. Еще до войны нередко девушки соглашались на столь неравный брак. А в послевоенные годы такие браки становились обычным делом. Безрукий и безногий в хозяйстве потребен, а уж здоровый, хоть и в возрасте, так и вовсе нарасхват.

Сорок шестой год был по всей стране голодным. Не избежала таковой участи и Татарская республика. Зачастую случались перебои с хлебом, не говоря о прочих продовольственных товарах – муке, крупах, мясе, сахаре, – и карточки, бывало, оставались нереализованными. И как прикажете жить в такое время? Покупать же продукты на рынке или в немногих коммерческих магазинах, что стали открываться в городе, – не было денег. Шутка ли: чтобы купить буханку хлеба в коммерческом магазине, надо было выложить червонец, а на базаре – и того больше. Едва ли не четвертую часть месячной зарплаты. В то время, как пайковая цена буханки по карточке – девяносто копеек. Про мясо и сахар и вовсе следовало позабыть: цены на базаре и в коммерческих магазинах были раз в восемь, а то и в десять выше пайковых и доходили до ста двадцати рублей за килограмм. Да и пообносились люди изрядно за военную пору (гражданскую одежду на фабриках не шили, только гимнастерки да шинели), а купить новое было невозможно – не за что и негде. Некоторые горожане и вовсе походили на беженцев, потерявших при бомбежках свое имущество: весь в общем-то нехитрый гражданский гардероб за годы войны был давно обменен на продукты питания, а потому люди без стеснения ходили в латаном-перелатаном, а то и просто в лохмотьях. Последствия страшной войны сказывались на каждом шагу, и народ выживал кто как мог.

Нина особо долго не размышляла, кому отдать руку и

сердце, и выскочила замуж за бывшего нэпмана, арендовавшего в Казани в тридцатые годы несколько торговых предприятий, а ныне владельца двух коммерческих магазинов и ресторанчика при одной из городских гостиниц. Ну а если в отношениях супругов присутствовало еще и чувство – кто же посмеет осудить такую пару? И за что? А потом – не до осуждений: каждый озабочен собственными нуждами, да и судьба тоже у каждого своя.

Конечно, сосед из квартиры напротив никаким боком не принадлежал к кругу Стрешнева, поэтому их общение ограничивалось короткими приветствиями при встречах на лестничной площадке да обменом парой ничего не значащих фраз. Общение с Ниной сводилось к тому же: здоровались, иногда говорили о ничего не значащем – не более того. И вот теперь она стояла перед Геннадием Васильевичем и его гостем растерянная, в слезах, ничего не соображающая и молила у них о помощи. Надо было что-то предпринимать. Хотя что тут можно сделать?

– М-да-а... Что же это он так? – невесело протянул Сабиров. – Ситуация... И что же делается в таких случаях?

– Не было у меня таких случаев. Думаю, надо сообщить о происшедшем в милицию, – произнес Геннадий Васильевич и добавил: – Наверное... Кто бы мог подумать. Ведь недавно с ним разговаривал. Ничто не предвещало его смерть.

– И в «Скорую помощь» тоже нужно сообщить, – в свою очередь добавил Сабиров.

– А в «Скороую»-то зачем? – обескураженно посмотрел на него Стрешнев, после чего перевел взгляд на висящего на двери Печорского. – «Скорая помощь» ему уже ничем не поможет... – Значит, так, – с этими словами Геннадий Васильевич обратился к Нине, смотрящей немигающим взглядом в пустоту. – В вашей квартире пока вам делать нечего. Так что давайте лучше пойдемте-ка к нам. Хотя как-то успокойтесь. У нас вы сможете подождать милицию. А вы, Марат Ренатович, – обратился Стрешнев к своему заместителю, – побудьте пока тут до приезда милиции. Так, на всякий случай. Чтобы в квартиру никто не входил.

– Конечно, – ответил Сабиров. Слова начальника для подчиненного – руководство к действию. Даже в такой скверной ситуации. А потом не тот случай, чтобы искать повод вернуться к застолью. Какое тут веселье! А ведь так все замечательно начиналось.

– Наверное, трогать тоже ничего нельзя. Милиционеры все сами должны осмотреть и сделать какие-то выводы.

Телефонов в городе было немного, но у начальника городского управления связи он, конечно же, имелся. Геннадий Васильевич быстро вернулся в квартиру. Ободряюще улыбнулся, чтобы совсем не расстроить гостей, и коротко объяснил:

– Соседи попросили меня в милицию позвонить. Скоро все выяснится... А ты, Петрович, – обратился он к начальнику отдела, – чего за девушками не ухаживаешь? Вон они как

загрустили. Ну и выпейте водки наконец, чего меня ждать? Разливай давай!

— Это я мигом, — ободряюще произнес сухощавый мужчина с орденской планкой на пиджаке и потянулся к початой бутылке водки.

Геннадий Васильевич быстро прошел мимо встревоженных гостей в свой кабинет, где стоял телефон, и набрал номер телефона милиции. Разговаривал с дежурным недолго — сдерживая эмоции, безо всяких красок изложил увиденное. Правда, на том конце телефонной линии дежурный дважды переспросил адрес, после чего распорядился тоном, исключаящим какие-либо возражения:

— Ждите. Сейчас подъедем.

Услышав короткие гудки, Геннадий Васильевич положил трубку на телефон. Закурив, он сделал глубокую затяжку и, к немалому своему удивлению, увидел, как пальцы слегка подрагивали. Вот угораздило!

От души немного отлегло, когда Стрешнев услышал голос Петровича, что-то оживленно рассказывающего. А еще через минуту в зале раздался дружный смех. Затушив папиросу о стеклянную квадратную пепельницу, он открыл дверь и с улыбкой вошел к гостям.

Глава 2. Самоубийство или его имитация?

Наручные часы показывали шесть минут двенадцатого. Меньше чем через час начнется новый, одна тысяча девятьсот сорок восьмой год. Что осталось в прошлом году? Пожалуй, неприятности, которых было больше, чем светлых моментов. Даже вспомнить особенно нечего. Были, конечно, знаменательные дни, когда удавалось в короткий срок раскрыть серьезные преступления. Но все эти благостные эпизоды больше были связаны со служебными обязанностями.

В личной жизни тоже ничего особенно не поменялось. Не женился, детей не завел. А ведь пора бы... Не до седых волос же бобылем ходить. Пора бы, сколько красивых девчонок по улицам ходят! Так и не дождались с войны своих суженых. А ведь на счастье надеются, которого они заслуживают.

Что доброго принесет стране наступающий год? Городу и лично ему, майору Виталию Викторовичу Щелкунову, начальнику отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством городского управления милиции? Очередные неприятности, это понятно. А если вот так, по-человечески, что от него следует ждать? Ведь должна же когда-нибудь закончиться жизнь впроголодь, с частыми недосыпаниями и нескончаемой борьбой с бандитами и иного рода преступниками, ко-

торых развелось после войны как вшей на шелудивой собаке. И тогда начнется жизнь другая, светлая и беззаботная, когда человек человеку не волк, а друг, товарищ и брат...

Виталий Викторович посмотрел на младшего лейтенанта Зиначку Кац. Сидит и задумчиво смотрит на него. Чего сидит, чего не идет домой? Наверное, оттого, что раньше начальства уходить не положено, а оно (к ее личной досаде) как будто бы и не собирается покидать рабочее место и готово заночевать на жестких стульях, где вместо подушки будет собственная ладонь.

А может, причина совсем в другом? И ты о ней прекрасно знаешь. Ведь глаз с тебя не сводит, мог бы проводить девушку, а там, глядишь, между вами что-то серьезное завяжется. Чего же девчонку на расстоянии держать? Ведь красивая же, добрая. Верной и понимающей женой станет, которая всегда обогреет, в трудную минуту ласковым словом утешит.

– Шла бы ты домой, Зина, – мягко промолвил начальник отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством, понимая, что младший лейтенант Кац, конечно же, никуда не уйдет. – Еще успеешь к Новому году.

– Я не тороплюсь, – буркнула Зинаида и продолжала задумчиво смотреть на майора Щелкунова, и какие мысли бродили в ее хорошенькой голове – лучше было не знать. Ни к чему ему все эти сложности! Жизнь и так штука непростая, а послевоенная – тем более.

Зинаида Борисовна Кац в сорок третьем году была переве-

дена в следственную группу городского отделения милиции, где служил начальником отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством тогда еще капитан Щелкунов, с должности помощника прокурора железной дороги. Было ей тогда двадцать четыре года, и за плечами у нее имелось несколько раскрытых уголовных дел, что позволяло судить о Зинаиде Борисовне как о стоящем и грамотном специалисте. Классный чин юриста первого класса она была вынуждена поменять на звание младшего лейтенанта милиции. Кац с самого начала участвовала в следственных действиях в отношении так называемой «банды разведчика», терроризировавшей город в сорок пятом и сорок шестом годах, поэтому была прикомандирована к группе Щелкунова, созданной распоряжением начальника городского уголовного розыска майором Фризиным специально для ликвидации этой банды. После поимки банды и проведения следственных действий касательно ее членов, по ходатайству уже майора Щелкунова, вступившего в должность начальника отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством управления милиции города, младший лейтенант Кац была переведена в его отдел.

– Тогда, Зинаида, давай старый год проводим, – указал на блюдечко с пряниками Виталий Викторович. – Ставь чайник.

– С удовольствием, товарищ майор.

Улыбнувшись, Зинаида встала со стула и поставила чайник на электрическую плитку. У нее, как и у майора Щелку-

нова, никого из родных в городе, да и вне его, не имелось. Так что идти встречать Новый год было абсолютно не к кому. Впрочем, все же было к кому...

Младший лейтенант Кац посмотрела на Щелкунова. Неужели он ничего не замечает? Не может такого быть. Тогда, выходит, она ему безразлична. Просто он не может сказать ей это напрямую.

Иногда Зинаида мечтала, что вот он, усталый, вернется в отдел, сядет на стул и тут она, рядом, как всегда. И обязательно у него спросит сочувственно:

– Устал?

– Есть немного.

– Было много работы?

– Ее всегда много.

– Чем же тебе помочь?

– Чем же ты сможешь мне помочь? – посмотрит он на нее с лукавинкой.

И тогда она, не сказав более ни слова (все слова просто покажутся лишними), сядет к нему на колени, возьмет его русую красивую голову в свои узкие ладони и будет долго и нежно смотреть ему в глаза, а потом станет нежно целовать его лицо. Когда же Виталий начнет отвечать на ее поцелуи, робко, как застенчивый мальчишка, она постарается не упустить своего счастья и сделает все возможное, чтобы этот хмурого вида майор, для которого ничего важнее работы не существовало, навсегда остался с ней. А уж она знает, как

сделать его счастливым.

Сначала у них родится дочка. Потом будет сын. Они станут дружно растить деток и будут продолжать любить друг друга. И так будет продолжаться долгие и долгие годы... Всегда!

Вода в чайнике будто и не собиралась закипать, лишь только деловито шумела. Пока чайник нагревался, майор и младший лейтенант не проронили ни слова. Виталию Викторовичу и правда тоже было не к кому идти. Родителей он давно потерял, семьей не обзавелся. Потому-то и остался дежурить в управлении в новогоднюю ночь, поддавшись уговорам заместителя начальника городского уголовного розыска подполковника Бедзоева, упросившего поменяться с ним дежурствами. Дескать, дай провести праздник с семьей и детьми. У тебя все равно ни того ни другого покуда не имеется. А я тебе одно дежурство должен буду...

Чайник наконец громко загудел – вода вскипела. Зинаида разлила чай в граненые стаканы, взяла с блюдца пряник. Она приобрела их в коммерческом магазине на углу улиц Баумана и Лобачевского – первом в городе, открывшемся после войны еще в сорок шестом году. Теперь таких магазинов в городе было по паре на каждый район, а то и более, и продукты в них продавались хоть и задорого, но все-таки не по таким заоблачным ценам, как в сорок шестом.

– Ну что, товарищ майор, – посмотрела на Виталия Викторовича Кац. – Давайте с вами...

Телефонный звонок не дал Зинаиде договорить. Что она хотела сказать дальше – так и осталось неясным. Но в глазах угадывалась решимость.

– Майор Щелкунов слушает, – сказал Виталий Викторович в трубку. – Вас понял, но мы самоубийствами не занимаемся. Просто проверить? Хорошо, проверим.

Начальник отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством городского управления милиции положил трубку.

– Самоповешение на улице Грузинской. Надо проверить, что там произошло, – произнес он скорее самому себе, чем Кац.

– Я с вами, товарищ майор, – заявила Зинаида.

– К чему тебе? Оставайся! Попей чайку, поешь пряников. Отдыхай знай! Это всего лишь простая формальность. А то знаешь, какое поверье существует? Как встретишь Новый год, так его и проведешь. Отметь хоть более или менее по-человечески, – отмахнулся было от младшего лейтенанта Щелкунов, да не тут-то было: Зинаида, даже не откусив от пряника, уже надевала шинель. Надев ее и шапку, она вопросительно уставилась на Щелкунова.

– Я готова, товарищ майор!

Виталий Викторович неодобрительно покачал головой.

– Вот ведь своенравная девица! Даже не знаю, как убедить тебя не ехать.

– А вы не убеждайте.

– Ладно, поехали!

В голосе Щелкунова прозвучало скрытое одобрение: не будь она такой настырной, еще большой вопрос – перевел бы ее в свой отдел майор Щелкунов...

* * *

Через пятнадцать минут подъехали к месту происшествия и вошли в затемненный подъезд. На лестничной площадке второго этажа увидели долговязого мужчину.

– Вы к нам идете, товарищ майор? По поводу повешения?

– Да. В какой квартире произошло самоубийство?

– Вот в этой, – указал мужчина кивком на приоткрытую дверь.

– Представьтесь, пожалуйста, – попросил майор Щелкунов.

– Заместитель начальника городского управления связи Марат Ренатович Сабилов. – Документов при себе нет... Сами понимаете, Новый год пришли встречать, вроде бы ни к чему было брать. Кто же мог предвидеть такое?

– Такое всегда сложно предвидеть. Покажите, где произошло самоубийство.

– В квартире. Проходите сюда. – Миновали сумрачную прихожую и уткнулись в полуоткрытую дверь, ведущую в гостиную. – Вот, – указал Сабилов на висящего на двери человека. И зачем-то добавил: – Провожали старый год, ни о чем таком не думали, и тут вот такие дела...

– Это вы обнаружили труп? – спросил Щелкунов, оценивая обстановку.

– Нет, – отрицательно качнул головой Сабиров. – Супруга покойного обнаружила. Вот доставил всем хлопот. Никогда не понимал тех, что решаются в здравом рассудке пойти на самоубийство.

– А где она сейчас? – поинтересовался майор.

– У нас пока находится, – ответил Сабиров и поправился: – То есть вон в той квартире, – указал он на незапертую соседскую дверь. – Я сам-то в гостях. Утешаем, как можем. Да разве ж тут поможешь, – безнадежно махнул он рукой. – Вот навалилось на женщину! Это надо же до такого додуматься!

В дверном проеме показался хозяин соседней квартиры Геннадий Стрешнев.

– А, вы уже приехали, – промолвил он, окинув взглядом Щелкунова и Кац, и, неодобрительно покачав головой, добавил: – Вот такие невеселые дела...

Дела обстояли следующим образом. В гостиную вела высокая, едва ли не в два человеческих роста дверь. Такие раньше изготавливались для присутственных мест, чтобы всяк в них входящий осознавал все величие власти, которая, разумеется, исходила от Бога. На двери, на обычной бельевой веревке, перекинутой через верх дверного полотна и одним концом привязанной к ручке с внешней стороны, а на другом имеющей петлю, висел, не доставая сантиметров

сорока до пола, пожилой грузный человек. Одет он был в просторную полосатую пижаму, верхняя пуговица которой была расстегнута. Под верхней частью пижамы просматривалась выцветшая синяя майка. Комнатные кожаные стоптанные тапки валялись в стороне. Ступни покойного были неестественно вытянуты, словно хозяин квартиры в последние минуты своей жизни пытался дотянуться до пола. Лицо приобрело почти синий цвет, а в концах приоткрытых губ белела подсыхающая пена. Последнее означало, что смерть от удушения наступила не четверть часа назад и даже не час, а значительно раньше.

– Помогите мне его снять, – обратился Щелкунов к подошедшему Стрешневу и Сабирову и перевел взгляд на младшего лейтенанта Кац: – А ты, Зинаида, сходи на кухню и принеси нож. Веревку срезать.

После этого он вплотную подошел к повешенному и обхватил его за живот. С другой стороны то же самое проделал Стрешнев, обхватив тело соседа за бедра. Сабиров приготовился принять труп за грудь, когда веревка будет перерезана.

Пришла из кухни Зинаида. Подняла валявшуюся табуретку, встала на нее и несколькими движениями перерезала веревку.

Труп Печорского, предпринимателя и владельца двух коммерческих магазинов и коммерческого ресторана при гостинице в Молотовском районе, неуклюже и тяжело повалился на бок. Если бы Сабиров не успел вовремя обхватить

тело бывшего коммерсанта за плечи, возможно, оно рухнуло бы на пол или повалилось бы бревном на майора Щелкунова – до того Модест Вениаминович был грузен. А так трое мужчин, проявив усилие, почти бережно положили тело Печорского на пол, и Виталий Викторович получил возможность внимательно осмотреть труп. Однако кроме полос, оставшихся после веревочной петли, никаких иных телесных повреждений обнаружено не было.

– Похоже на самоубийство, – пробормотал майор Щелкунов, продолжая осматривать тело бывшего предпринимателя. – Конечно, врач бы здесь разобрался лучше меня, но кроме следов от повешения я не вижу на теле ни синяка и ни единой царапины, что указывало бы на возможное сопротивление. А это значит, что его не было.

– Следов? – заинтересованно переспросила Зинаида, вспомнив, наверное, что-то из своей следственной практики.

– Ну да, следов насилия не вижу, – ответил Щелкунов, не понимая пока, отчего у Кац возник такой вопрос. – Вот только от веревки следы.

– Их что, несколько? – снова спросила Зинаида, подходя к трупу и наклоняясь над ним.

– Два... Вернее, две полосы, – уточнил Щелкунов. – Видишь: одна полоса идет поперек шеи горизонтально, а другая – наискосок, снизу вверх... Стоп, – посмотрел Виталий Викторович на Кац. – Ты хочешь сказать, что его сначала задушили, а потом, уже мертвого, повесили, имитируя само-

убийство?

– Это не я хочу сказать, – усмехнулась Зинаида. – Это вы сами только что сказали.

Зинаида немигающе смотрела на своего начальника. И опять, похоже, думала не о том, о чем следует размышлять на месте преступления.

Последовало молчание, которое первым прервал Щелкунов. Вот Виталий Викторович думал как раз о том, о чем положено думать при проведении следственных действий.

– Будем иметь в виду, – слегка нахмурившись, произнес он. – Так или иначе, все станет ясно, когда тело осмотрит криминалист. Дождемся компетентного заключения судебно-медицинской экспертизы, а там поглядим, самоубийство это или... совсем наоборот. – Виталий Викторович снова помолчал, после чего обратился к стоящему около него Сабирову: – Как его звали, не подскажете?

– Кого? – не сразу понял вопрос Марат Ренатович.

– Покойного, – мотнул головой в сторону трупа Щелкунов.

Марат Сабиров пожал плечами.

– Я не знаю, – изрек он. После чего посмотрел на Стрешнева. – Знаком я с ним не был. Вот Геннадий Васильевич знает...

– Его звали Модестом Вениаминовичем Печорским, – промолвил Стрешнев тоном, каким говорят заупокойные речи.

– Вы хорошо его знали? – обернулся в его сторону Виталий Викторович.

– Не особо, не приятельствовали, – последовал ответ в том же минорном тоне. Кошки в душе по поводу кончины Печорского у Геннадия Васильевича не скребли. Хотя самоповешение хозяина соседской квартиры было из разряда событий малоприятных. Вот разве что случившееся заставило задуматься о бренности бытия: живешь так себе, ни о чем плохом не думаешь, а оно разом все может поменяться. – Так, здоровались. Иногда перекидывались парой ничего не значащих фраз. Он был человеком не нашего круга, и у нас не было общих интересов, – добавил Стрешнев уже иным, обычным тоном.

– Ну какое-то общее впечатление о нем вы могли для себя составить? – вступила в разговор Зинаида, внимательно рассматривающая обстановку в зале, однако прекрасно слышащая разговор своего начальника с хозяином соседней квартиры.

– Трудно что-либо сказать... Но мне всегда казалось, что он был человеком себе на уме, – немного поразмыслив, произнес Стрешнев. И в некоторой задумчивости добавил: – Кажется, покойный был из той породы людей, которые никогда не расскажут вам о своих планах, даже будь вы самый лучший их друг.

– То есть ваш усопший сосед был человеком закрытым, – то ли спросил, то ли констатировал факт майор Щелкунов.

Геннадий Васильевич понял последнюю фразу майора милиции как вопрос и не очень решительно ответил:

– Не то чтобы закрытый... – Стрешнев опять немного подумал. – Скажем так: он был человеком, не пускающим никого дальше передней. По крайней мере, мне так показалось, – добавил начальник городского управления связи.

– Ясно, то есть он держался на расстоянии, – понял, что хотел сказать Стрешнев, Виталий Викторович.

– Можно и так сказать. В какой-то степени это понятно, ведь он был успешным предпринимателем. Деньги у него водились. А они всегда требуют какой-то осторожности. А уж в наше беспокойное время тем более.

– А чем он владел, можете сказать?

– Двумя магазинами и коммерческим рестораном.

– А что вы можете рассказать о его супруге?

– О ней могу сказать еще меньше, – промолвил Геннадий Васильевич. – Ее зовут Нина. Отчества, простите, не знаю. Она вроде бы из эвакуированных.

– А откуда именно?

– Не могу вам сказать точно. До того как вышла замуж, жила одна в каком-то общежитии на окраине Казани. Как-то пожаловалась моей жене, что голодала, перебивалась какими-то разовыми заработками. Потом каким-то образом сошлась с Печорским и вышла за него замуж. Что в итоге? Он получил молоденькую супругу, младше его на тридцать с лишним лет. А она – состоятельного человека, способного

без труда ее прокормить и приодеть.

– То есть получается, что это был брак по расчету? – быстро глянул на Стрешнева Виталий Викторович.

– С уверенностью сказать не могу, – после довольно продолжительного молчания промолвил Геннадий Васильевич. – Может, у них была и любовь... Поначалу они вроде бы неплохо жили. Все время были вместе. Модест Вениаминович был человеком небедным, на супругу не скупился: украшения ей дарил разные, одевал ее с иголки.

– А потом что-то изменилось? – поинтересовался Щелкунов.

– Да по-всякому случалось... Жена мне рассказывала, что в последнее время они не очень-то и ладили, – ответил Стрешнев. – Я и сам Модеста не раз хмурым встречал.

– А ваша супруга сейчас дома? – посмотрел на него Виталий Викторович.

– Конечно, а где же ей еще быть? – последовал ответ. – Там и гости, и она... Праздник все-таки.

– Мы тут немного осмотримся, и я чуть позже с ней поговорю, вы разрешите? – продолжал смотреть на Геннадия Васильевича майор Щелкунов, и можно было подумать, что это не офицер милиции, а сама вежливость и тактичность в образе милиционера. Откажи Стрешнев – и такой встрече не бывать!

– Хорошо, – бесцветным голосом произнес Геннадий Васильевич, пожимая плечами, совершенно не понимая, зачем

майору милиции понадобилось его разрешение на разговор с супругой, когда служитель правопорядка волен расспрашивать кого бы то ни было согласно служебной необходимости и по собственному усмотрению.

– Вы заметили, товарищ майор, что в квартире не наблюдается никакого беспорядка? – снова подала голос Зинаида.

– Хотите сказать, что Печорский все же сам повесился? – остро глянул на младшего лейтенанта Щелкунов, жестом давая понять Стрешневу, а вместе с ним и Сабирову, что их присутствие в квартире Печорского уже необязательно.

Едва кивнув, оба незамедлительно и с немалым облегчением вышли из квартиры.

– Нет, – не задумываясь ответила Зинаида. – Хочу лишь сказать, что убийца или убийцы либо знали, где в квартире лежат деньги и самое ценное, поэтому не стали нигде рыться, либо гражданина убили по иным причинам. Если, конечно, убили.

– Вот ты к чему, – в упор посмотрел на Кац Щелкунов. За непродолжительное время ее службы в отделе Зинаида многому научилась, а главное – она обладала особенностью видеть детали, которые нередко пропускали даже иные оперативники. Говорят, что женщины наблюдательнее мужчин, это как раз про нее. – Значит, ты не можешь с уверенностью сказать, что это было: убийство или самоубийство.

– Сомневаться для следователя – вещь полезная и обязательная, – изрекла Зинаида тоном наставника, но не строго-

го, а доброго и участливого. – И убийство это или самоубийство, будет известно наверняка после проведения медицинских и криминалистических экспертиз и написания по ним заключений. Но вот этого, – протянула она Виталию Викторовичу листок бумаги, – не принять во внимание никак нельзя. Этот листок лежал на комодe на видном месте под серебряным портсигаром.

Щелкунов взял из рук младшего лейтенанта листок бумаги и прочитал вслух:

– «Прошу в моей смерти никого не винить. Ухожу из жизни добровольно, прощайте. Модест Печорский».

Внизу стояла неразборчивая подпись, различить в которой можно было только начальную букву «П».

Настало время допросить супругу самоубийцы. А возможно, что и убиенного.

– Вот что, Зина, давай приведи сюда Нину Печорскую. Нам будет о чем с ней поговорить.

– Хорошо, Виталий Викторович, – охотно откликнулась Кац и, постукивая каблучками о сверкающий паркет, вышла из квартиры.

Зинаида выполнила приказание майора буквально: привела Печорскую, бережно придерживая ее под локоток. Но не потому, что вдова сопротивлялась и не желала уходить. Напротив, когда младший лейтенант прошла в квартиру Стрешневых и сообщила Печорской, что с ней хочет поговорить майор милиции, то молодая женщина охотно согла-

силась вернуться домой. Видимо, Нина Печорская, раздавленная горем, крайне неуютно чувствовала себя в компании чужих людей, которые пришли в гости не для того, чтобы грустить, а затем, чтобы весело встретить Новый год. Да и гости с ее уходом почувствовали некоторое облегчение, что прочитывалось по их враз повеселевшим лицам.

...Но, шагнув в прихожую, вдова покачнулась. Вероятно, силы покинули ее. Вот Зинаида Борисовна и поддержала ее в нужный момент.

– Вам плохо? – сочувственно спросила она.

– Ничего... Уже все прошло, – вроде бы взяла себя в руки Нина, стараясь не смотреть на распластанный на полу труп мужа.

– Тогда скажите мне: это почерк вашего мужа? – доброжелательно поинтересовался Виталий Викторович, протянув обнаруженную записку Нине.

Вдова мельком глянула на бумагу:

– Кажется, Модеста.

Такой ответ ничуть не удовлетворил майора Щелкунова.

– Что значит – «кажется»? Это его почерк или не его? Скажите нам точно. Вы ведь знаете его почерк. Вам не однажды приходилось видеть, как ваш муж заполнял документацию для своих магазинов, – произнес Виталий Викторович уже без всякого намека на доброжелательность. – Следствию важно знать точно.

Снова мельком глянув на записку, Нина Печорская отве-

тила:

– Мужа.

Прозвучало не очень убедительно. Майор Щелкунов невольно сжал губы.

– И подпись его? Вы подтверждаете? – ровным, сочувствующим тоном, пряча нарастающее раздражение, спросил Виталий Викторович. А ведь могла бы ответить и более убедительно. Ведь прожила с мужем бок о бок не один месяц. Ему никогда не нравилась неопределенность в словах свидетелей. Ну как можно, скажите на милость, иметь дело с очевидцем, слова которого расплывчаты и нетверды. Прикажете ему верить? Что-то не очень получается.

– Его, – устало произнесла Печорская, и ее опять качнуло. Женщина была очень слаба. Происшествие, случившееся в ее квартире, сильно на нее повлияло, забрав, по-видимому, все силы.

Без четверти двенадцать прибыл дежурный участковый, уже в годах, с орденом Красного Знамени на темно-синем мундире.

– Старший лейтенант Бабенко, – представился он.

– Помогите младшему лейтенанту, – приказал ему Щелкунов, указав на Зинаиду Кац и продолжая недоверчиво и, похоже, участливо поглядывать на Нину Печорскую. – Мы ищем письма и бумаги, написанные рукою покойного. И чтобы они были подписаны его собственной рукой. Очень помогли бы личные письма, документы.

– Понял, товарищ майор, – ответил Бабенко и прошел к младшему лейтенанту: – Ваш начальник направил меня к вам.

– Хорошо, – ответила Зинаида и четко поставила участковому уполномоченному задачу: – Для начала нужно просмотреть шкаф, ящики в комодах, письменный стол. Я начну с комода, а вы осмотрите письменный стол.

Письма, написанные рукою Печорского, нашлись в том же комоде. А пачка документов в белой папке с тесемками была обнаружена Бабенко в ящике письменного стола. На некоторых документах стояла размашистая подпись Печорского.

– А теперь давайте сравним почерк с записки с теми письмами, что отыскиались.

Для верности записку положили рядом с письмами. Вроде бы все буквы схожи, и вместе с тем записка и строки, написанные в письмах, каким-то неуловимым образом отличались.

– Каково твое мнение, Зина? – посмотрел на младшего лейтенанта Щелкунов.

– Мне кажется, что они не очень похожи. Вот посмотрите повнимательнее, товарищ майор, в предсмертной записке у строчек наклон немного другой и буквы ложатся как-то поровнее. А написание некоторых букв в записке и в письмах вообще разнятся! Видите, в предсмертной записке буква «И» прямее выглядит, чем в письмах и в документах, а буква «О» в записке более вытянутая. А еще Печорский пе-

ред смертью должен был находиться в сильном волнении, это как-то должно было сказаться на его почерке. А мы видим, что почерк у него в предсмертной записке ровный, как будто бы Печорский старательно выводил каждую букву. Никуда не спешил. В письмах он менее аккуратен.

– Замечание, конечно, верное, – вынужден был согласиться Щелкунов. – А ты не думаешь, Зинаида, о том, что Печорский взвешенно принимал решение о самоубийстве. Перегорело у него все внутри, вот потому он и не волновался. И торопиться ему уже было некуда. А что касается самого почерка, то мне видится, что в обоих случаях почерки очень похожи и могли быть выполнены одной рукой. Хотя я, конечно, не являюсь специалистом-почерковедом. Пусть участковый нас рассудит, – решил Виталий Викторович. – Старший лейтенант, подойдите сюда.

Участковый немедленно подошел.

– Давно служите в милиции?

– Лет пятнадцать. Поначалу, как с Гражданской пришел, мастером на заводе поставили, а уже потом, как коммуниста, в милицию направили.

– Значит, опыт большой.

– Всякого насмотрелся, чего уж там...

– Можете нас рассудить? Почерк в письмах похож на тот, что в записке?

Старший лейтенант довольно долго разглядывал бумаги, неодобрительно хмыкал, смотрел зачем-то бумаги на свет,

после чего весьма глубокомысленно изрек, не поддержав ни сторону младшего лейтенанта, ни майора:

– Кое-какие отличия между почерком в предсмертной записке и почерком в письмах, следует признать, имеются. Но, с другой стороны, – добавил после небольшой паузы Бабенко, – ежели бы я собирался через пару минут удавиться, мой почерк, я думаю, тоже бы отличался от того, каким я пишу в обычных условиях... К тому же не стоит человеку, не очень-то сведущему в подобных вопросах, решать, тот это почерк или не тот, ибо ничего это не даст.

Сказано было емко и убедительно. Поэтому Щелкунов пришел к единственно правильному решению, заключив следующее:

– Хорошо. Отдадим записку с письмами и документами экспертам-почерковедам. А они уж там пусть разбираются. – Потом обратился к Нине, стоящей рядом: – Осмотрите вещи. Если у вас что-то пропало, скажите.

Нина огляделась и ответила не сразу:

– Да вроде ничего. Все на месте.

– Деньги в доме были? – поинтересовался Виталий Викторович.

– Да, – последовал ответ.

– Где они хранились?

– В письменном столе.

– Вы не можете посмотреть, – мягко обратился Щелкунов к Печорской, – находятся ли деньги на своем месте или нет?

Виталию Викторовичу отчего-то было жалко молодую беззащитную вдову. Как бывает жалко голодного щенка, тыкающегося холодным носом в ладони, или котенка, забившегося со страха перед чужим миром под лавку или скрипучее крыльцо. Хотя ранее в каких-либо прежних делах, которые ему доводилось вести, особой жалости к свидетелям происшествий или преступлений майор не испытывал.

Все теперь пойдет прахом, что Модест Печорский так кропотливо преумножал и выстраивал: магазины и ресторан.

Нина прошла к письменному столу и выдвинула верхний ящик. Денег в нем не оказалось.

– Их здесь нет, – удивленно произнесла она и посмотрела на майора милиции: – Вы полагаете, нас ограбили? – Она помолчала, собираясь с духом, чтобы произнести следующую фразу: – А моего мужа что – убили? Но кто это мог сделать? И за что?

– Мы здесь для того, чтобы разобраться во всех обстоятельствах произошедшего, – уклончиво и довольно сухо ответил Щелкунов.

– Да нет, не может такого быть, – взволнованно произнесла Печорская, обращаясь скорее сама к себе. После чего вскинула голову и посмотрела Виталию Викторовичу прямо в глаза: – Модест Вениаминович, конечно, сделал это сам. Это, вне всякого сомнения, самоубийство.

– Откуда у вас такая уверенность? У него были на то какие-то причины? Может, он болел?

Отвернувшись, вдова молчала.

– Сколько было денег? – выдержав паузу, спросил Виталий Викторович, немного удивленный поведением молодой вдовы. Другая бы на ее месте наверняка ухватилась бы за версию об убийстве мужа, которая оправдывала бы его и делала из него жертву преступления, а не явно смалодушничавшего человека, сдавшегося перед обстоятельствами. Если бы эта другая его любила и желала сохранить добрую память о нем. А Нина, похоже, больших чувств к ныне покойному супругу не испытывала.

– Точно я не могу сказать, – тихо ответила молодая женщина.

– Ну, можете сказать хотя бы примерно? – вновь спросил Щелкунов, надеясь получить точный ответ.

– Думаю, тысяч семь-восемь.

– Значит, в ящике письменного стола находилось тысяч семь-восемь, которых на настоящий момент нет, – констатировал начальник ОББ городского управления.

– Нет... Но, возможно, Модест потратил их сам. Он много вкладывался в свои магазины и ресторан, – пояснила Нина, опять-таки косвенно поддерживая версию о самоубийстве. – А вот его сберкнижки, – Печорская показала их майору милиции, – обе на месте.

– Позвольте на них взглянуть? – попросил Виталий Викторович.

Нина протянула майору обе книжки. Тот открыл одну и

едва не присвистнул – пятьдесят пять тысяч целковых. Немалая сумма! Вторая – на сумму сорок три тысячи с копейками. То бишь с рублями. Итого – девяносто восемь тысяч с чем-то. Очень даже неплохой заработок для советского гражданина, готовящегося безбедно встретить старость. Чтобы заработать такие деньги, ему, начальнику отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством, надлежит проработать на своем месте без малого десять лет. При этом следовало не есть, не пить и ничего не покупать... Даже папиросы.

– Скажите, Нина... Как вас по отчеству? – поинтересовался Виталий Викторович.

– Александровна, – последовал ответ.

– Вот скажите мне, Нина Александровна, а враги у вашего мужа были? Или, может быть, какие-то недоброжелатели? – задал Щелкунов вопрос, являющийся, скорее, дежурным при опросе пострадавших. – Ведь он был человеком небедным. Я бы даже сказал – состоятельным. Многие могли ему завидовать.

– Я не знаю, – не сразу ответила молодая вдова. – Мы жили довольно замкнуто. Ни с кем особенно не общались.

– Значит, вы никак не можете помочь следствию... – констатировал Щелкунов и добавил, глядя куда-то поверх головы собеседницы: – Или, может, не хотите?

После этих слов Виталий Викторович внимательно и пытливо всмотрелся в Нину.

– Не могу, – тихо промолвила молодая женщина и опу-

стила голову.

Где-то слаженно закричали «ура». Этажом выше раздавалась звонкая музыка. Несколько человек вышли на лестничную площадку, громко разговаривая и смеясь. Запахло табачным дымом. Из открытой двери донеслось пение:

Если на празднике с нами встречаются
несколько старых друзей,
то, что нам дорого, припоминается,
песня звучит веселей.
Ну-ка, товарищи, грянем застольную,
выше стаканы с вином,
выпьем за Родину, выпьем за Сталина,
выпьем и снова нальем.

Это значило, что только что наступил новый, одна тысяча девятьсот сорок восьмой год.

Что же он сулит?

Глава 3. Вопросы без ответов

Он еще что-то спрашивал, этот настырный майор милиции. Но его слова доходили до Нины как через ватное одеяло, если им закрыться с головой: глухо и практически непонятно. Кажется, майор спросил, что побудило Модеста Вениаминовича, на ее взгляд, свести счеты с жизнью, «если это, конечно, было самоубийство», добавил он, пытливо всматриваясь в ее задумчивые глаза.

Нина ответила, что не знает, но ее ответ только насторожил дотошного милиционера.

– В случае, если гибель вашего мужа – убийство, и если вы хотите, чтобы человек или люди, совершившие это злодеяние, были найдены и наказаны по закону, в ваших интересах отвечать на наши вопросы искренне и правдиво, – снова глухо донесся до сознания Нины голос майора, и на сей раз все слова были для нее понятны.

– Вы все же полагаете, что это убийство? – тихо спросила Нина.

– Это всего лишь одна из версий, – ответил майор милиции и добавил: – Утверждать что-то категорично я не могу. Сейчас мы проводим следственные действия. Потом будет назначена судебная экспертиза. Надо дождаться результатов экспертизы, и тогда мы будем знать точно, что произошло – убийство или самоубийство.

– Вы знаете, – начала Нина, – эта неожиданная смерть мужа меня совершенно выбила из колеи. Я как будто нахожусь во сне. У меня такое чувство, что вот сейчас я проснусь и все будет по-прежнему...

– К сожалению, это не сон, – заметил майор. – И по-прежнему уже никогда не будет.

– Я ведь даже подумать не могла, что... вот так... все произойдет. Что может все разрушиться в один миг! Когда я вошла в квартиру, то едва не лишилась чувств, когда... увидела его... висящим на двери в гостиной... – произнесла Нина, содрогнувшись, словно вновь переживала увиденное и смотрела сейчас не на задающего вопрос майора, а на него, своего мужа, висящего с тыльной стороны двери и с вытянутыми к полу носками... – Я пыталась вытащить его из петли, а потом поняла, что у меня не хватит на это силы.

– А когда вы пришли домой? – продолжил допрос майор. – В каком часу?

– Где-то в одиннадцать вечера, – немного подумав, ответила Нина. И добавила нетвердо: – Ну, может, было без пяти или без десяти одиннадцать.

– Позвольте узнать, где вы находились до этого часа и во сколько покинули днем вашу квартиру? – не сводя с Нины взгляда, спросил милиционер. И почему он так пристально и неотрывно глядит на нее? Может, с ней что-то не так?

Женщина машинально поправила прическу.

– Ушла из дому я где-то около часу дня, – несколько рас-

терянно произнесла Нина. – И все время была у своей подруги Веры Кругловой. В городе у меня больше никого из близких мне людей нет, и идти мне больше не к кому, – завершила она свой ответ.

В лице майора что-то изменилось, он как будто бы хотел спросить: «А как же ваш муж, он что, разве не является близким вам человеком?» Нина, не выдержав взгляда майора, отвернулась. Вряд ли он станет задавать столь откровенный вопрос, который был бы совершенно неуместен в сложившейся ситуации.

– Дверь вы открыли своим ключом? – после недолгого молчания задал новый вопрос майор.

– Она была не заперта, – тихо ответила Нина.

– Вот как... Это вас не удивило? – Милиционер смотрел на нее очень внимательно.

– Удивило, конечно. Впрочем, я подумала тогда, что это муж, поджидая меня, открыл дверь. Возможно, что он увидел меня из окна.

– Итак: вы вошли в открытую квартиру и увидели, что ваш муж... висит на двери, – не нашел более подходящих слов Щелкунов.

– Да.

– Что произошло дальше?

– Не могу сказать точно, но, кажется, я сначала даже не поняла, что произошло, а потом замерла от ужаса. Попыталась вытащить его из петли, а потом выбежала на лестнич-

ную площадку и закричала. Я очень испугалась. На мой крик вышли соседи и позвонили в милицию. Потом они привели меня к себе, а затем приехали вы...

Последовало молчание. Казалось, майор закончил допрос или опрос – как это у них там называется – и теперь, наконец, оставит ее в покое, и она сможет где-нибудь уединиться, чтобы никого более не видеть и не отвечать ни на какие вопросы. Или куда-нибудь пойти, чтобы побыть одной. Только вот куда пойти?

Но нет: майор милиции снова показал ей предсмертную записку и спросил:

– Простите, но я вынужден еще раз вернуться к этой записке. Это ваш муж писал или нет?

– Ну а кто же еще? – Нина с удивлением, смешанным со страхом, посмотрела на настырного майора. Зачем он все это спрашивает? Что ему еще непонятно? Ведь все уже рассказала!

– Это не ответ, – твердо произнес майор. – Скажите точно: вы признаете, что эта записка написана рукою вашего мужа и на ней стоит его подпись?

– Да, признаю...

Нина старалась говорить убедительно, но голос подвел, было заметно ее волнение. Ну что еще этому человеку от нее нужно? Неужели милиционер не видит, что она хочет остаться одна, что разговаривать ей тяжело, что у нее не осталось сил отвечать на его вопросы.

Виталий Викторович, в свою очередь, задавался различными вопросами, на которые не находил ответов. Главным вопросом был, конечно, следующий: Печорский повесился сам или его сначала задушили, а потом повесили, имитируя самоубийство?

Записка, оставленная Печорским, написана им самим или это подделка? Если подделка, то тогда почерк и особенно подпись довольно убедительно сработаны. Если записка фальшивая, то подделал ее тот человек, кто знал почерк Модеста Вениаминовича, имел время и возможность попрактиковаться в подделке. И не является ли этот кто-то (возможный убийца) хорошим знакомым ныне покойного Печорского? Может, кто-то из его работников или человек, входящий в их с Ниной дом?

Почему Печорская опасается вопросов – и это весьма заметно, – касающихся подлинности предсмертной записки? И почему вдова стоит на своем, говоря, что почерк и подпись в записке принадлежат ее мужу, хотя различия написания в записке и письмах, написанных рукою Печорского, довольно заметны?

А может, все гораздо проще: Нина Печорская желала смерти своему мужу? Он намного старше ее, возможно, стал попросту ей в тягость. И если поначалу и было какое-то чувство к нему, то оно улетучилось, в пользу чего свидетельствуют соседи, указывающие на частые в последнее время размолвки и ссоры между супругами.

С деньгами и всем имуществом мужа, которое после его смерти перейдет к ней, Нина преспокойно и сытно проживет и без него. Только вот как она все это провернула? Конечно, почерк и подпись в предсмертной записке Печорская могла подделать, поскольку у нее под рукой имелись письма, написанные Модестом Вениаминовичем, и документы с его подписью. И удушить супруга, надо полагать, она тоже могла. Девонька-то крепкая! Зашла незаметно сзади, накинула муженьку на шею удавку и что есть силы сдавила... А почему бы и нет? Но вот как ей удалось подвесить Печорского на двери в гостиной? Это вопрос. Мужчина он довольно грузный, и поднять его ей одной не под силу! В таком случае ей кто-то помогал. Таинственный воздыхатель? Любовник? Ну а почему бы и нет? Печорская молодая женщина, довольно хороша собой, почему бы ей не иметь такого же молодого сердечного друга? Тогда наличие любовника многое объясняет. В том числе и охлаждение к ней Модеста Вениаминовича. Однако в этом случае имеется одно немаловажное «но»... Чтобы проверить такую комбинацию, необходима сноровка, тяга к риску. Ни того ни другого у Нины Печорской не наблюдается. М-да-а. Задача...

Кажется, долговязый майор все-таки отвязался от нее. (Печорская тайком взглянула на Щелкунова.) Успокоился, сидит себе на стуле, даже не пошевелится. Очевидно, размышляет о произошедшем. А что ему еще остается? Не рад,

что пришлось ехать на самоубийство, вместо того чтобы сидеть за праздничным столом.

Скорее бы все это закончилось...

А эта девица в форме младшего лейтенанта все рыскает злобной мегерой по квартире, будто надеется что-то отыскать. И старый участковый с ней. Такой же ведьмак! Неужели они ее подозревают?

Печорская от нехороших мыслей невольно поежилась. Какое-то время она просидела, углубившись в собственные невеселые думы, и даже не заметила, как ушел майор. Потом пришел человек с фотоаппаратом, сделал несколько снимков распластанного на полу Печорского. За ним следом появились двое крепких мужчин в белых халатах. Погрузили без особой почтительности тело мужа на носилки и расторопно (явно спешили к новогоднему столу, чтобы выпить рюмочку-другую) вынесли его из квартиры. Снова появился неприятный майор. Дополнительных вопросов задавать больше не стал. Когда выносили тело Модеста, майор изучающе глазел на молодую вдову, так и не взглянувшую на мужа. «Пусть думает про меня, что ему вздумается, – решила Печорская, отвернувшись. – Мне безразлично».

Потом все ушли из квартиры, и молодая вдова осталась одна наедине с невеселыми мыслями. Наверху звучала громкая музыка, до случившегося никому не было дела. Жизнь продолжалась. Соседи шумно встречали Новый год.

Так Нина просидела часов до трех ночи. Затем она очну-

лась, огляделась, словно не понимая, что она делает в этой квартире, ставшей ей ненавистной за несколько последних месяцев; поднялась, и ноги сами понесли ее прочь из опостылевшей квартиры, от соседей, проживавших в этом доме, и вообще от всех людей. От них одни только беды. Неожиданно она сделала для себя открытие: она не любит людей. Вот только не могла понять, в какое время в ее душе произошли столь радикальные перемены. Как хорошо было бы, чтобы в этом городе кроме нее и еще одного человека не было бы больше никого.

Улица Грузинская, застроенная старинными особняками, перемежающимися с деревянными купеческими домами, была пустынна и темна. Впрочем, прохожих на улицах города не было практически часов с девяти вечера – такая привычка установилась еще в годы войны и сейчас, несмотря на начавшийся третий год мирной жизни, еще не изжилась.

Пустынные улицы вполне устраивали Нину. Как хорошо, что нет прохожих! Не нужно было никому смотреть в глаза и уступать дорогу. И никто не провожал ее участливым взглядом, что она всегда чувствовала: «Новый год, а женщина одна, видно, не все у нее в жизни в порядке».

Нина Печорская шла, куда глаза глядят и несут ноги. Она миновала перекрестки с улицей Гоголя, Комлева и Толстого. Уже когда она подходила к Варваринской церкви, давно прекратившей не приветствовавшие советской властью богослужения, с отбитыми крестами на куполах и вывеской

протезной мастерской над входом, ее неожиданно громко окликнули:

– Гражданочка!

Печорская медленно оглянулась. В нескольких метрах от нее был конный милицейский патруль из двух человек. Один милиционер, парень немногим за двадцать, ловко спешил, подошел к ней и удивленно поинтересовался:

– Вы что одна гуляете в такое время?

– А что – разве это запрещено? – с вызовом ответила Печорская, глядя милиционеру прямо в глаза. Нина вдруг с некоторым удивлением для себя осознала, что за последние часы в ее сознании произошли серьезные перемены – страх куда-то улетучился. Она стала другой, более раскованной, что ли. – Уж не арестовать ли вы меня надумали? А может быть, хотите проводить одинокую женщину, чтобы с ней ничего не случилось?

– Ты смотри, как она нам дерзит, – с некоторым изумлением обратился спешившийся милиционер к конному, продолжавшему внимательно изучать Печорскую. – Не помнишь, у нас такая не проходит по ориентировкам?

– Вроде бы не встречал, – неуверенно отозвался второй, с густыми темными усами, делавшими его старше.

– Видно, ей не впервой с милицией общаться, – проговорил пеший. – Давай-ка мы ее в отделение... проводим. Там ей самое место будет. А там и разберемся, что за птица такая нам в силки попалась.

— Она наверняка из этих самых... — сказал конный напарнику. Картинно округлил глаза и криво ухмыльнулся: дескать, по долгу службы такая порода женщин ему хорошо знакома. И как обращаться с ними — ему тоже хорошо известно.

* * *

В отделении милиции было тихо. Можно было с уверенностью сказать, что в помещении никого нет. Слева от входной двери в застекленной фанерной будке, напоминающей будочку частника-сапожника, сидел хмурый дежурный сержант с заспанным лицом, вконец расстроенный оттого, что злая планида уготовила ему участь дежурить в новогоднюю ночь, вместо того чтобы сытно подремывать в это время за праздничным столом или принимать в гостях последнюю стопку «на посошок». И вот теперь он был вынужден сидеть в осточертевшей дежурке в холодном и пустом отделении милиции и считать часы до окончания дежурства.

Одно радовало: по приходе домой жинка Дуняша угостит его куском жареной курочки с печеной картошкой и поднесет стопарь-другой беленькой с наколотым на вилку соленым огурчиком в мелких пупырьках. И он пусть и с запозданием, но встретит одна тысяча девятьсот сорок восьмой год как положено... Возможно, что наступивший год принесет ему удачу.

Сержант определил Печорскую в одну из пустующих камер, перед этим предварительно обыскав женщину. Чего-то запрещенного при ней не имелось. В карманах лишь позвякивала горсть мелочи.

– Ваше имя и место жительства, – спросил дежурный перед тем, как закрыть дверь в камеру.

Нина промолчала.

– Как вас зовут? – уже громче и сердито обратился к задержанной сержант. И не получил ответа. – Мне что, голос на вас нужно повышать?

Нина отвернулась.

– Ну как знаешь, – безразлично произнес сержант. – Проблем ищешь? Так ты их получишь.

Он запер камеру на два оборота ключа и, вернувшись на прежнее место, что-то записал в амбарную замусоленную книгу, лежащую перед ним на столе.

Утром в восемь часов и пятнадцать минут дверь камеры широко распахнулась.

– Выходите, – прозвучал из коридора мужской требовательный голос.

Печорская вышла и вопросительно уставилась на незнакомого черноволосого капитана милиции, открывшего дверь.

– Следуйте за мной.

Женщина покорно пошла за милиционером, не задумываясь особо, куда ее ведут и с какой целью, – окружавшее ей сделалось безразличным. Если бы ей вдруг объявили, что ее

ведут на расстрел, она бы даже не испугалась, а встретила известие смиренно. За ночь, проведенную в камере, Нина не то чтобы успокоилась – она просто сумела привести в порядок мысли, до этого хаотично блуждавшие в ее голове. За них невозможно было ухватиться, тем более додумать начатое и прийти к какому-либо осмысленному логическому заключению.

Время, проведенное в камере, предоставило ей возможность мыслить рационально, трезво воспринимать слова, обращенные к ней, то есть правильно понимать их значение и вложенную в них мысль, и без промедления искать на них подходящие ответы.

Беспомощная растерянность, овладевшая ею сразу после обнаружения трупа Печорского и во время допроса майором, прошла и уступила место состоянию, которое можно было назвать спокойным с долей невесть откуда взявшегося упрямства, чего раньше Нина за собой не замечала.

Печорская и сопровождавший ее капитан милиции прошли по длинному коридору и остановились у коричневой деревянной двери с цифрой «8». После чего милиционер извлек из кармана галифе длинный ключ и открыл кабинет.

– Проходите, – вполне дружелюбно предложил он.

Нина прошла на середину комнаты, где вдоль стен стояли три стола, и остановилась.

– Присаживайтесь, – указал капитан на стол с двумя стульями, располагавшимися у окна.

Нина осторожно опустилась на стул. С противоположной стороны стола разместился капитан. Он достал из ящика стола бумагу, ручку и принялся заполнять шапку протокола, часто макая ручку в коричневую чернильницу-непроливашку, в которой чернила, похоже, были только на доньшке. Такие чернильницы Нина помнила еще со школы. Они вставлялись в специальные отверстия в партах, чтобы чернильницы ненадолго нельзя было смахнуть или уронить. Ибо, несмотря на свое название – непроливашки, – они все же проливались и чернила пачкали парты, пол, а то и руки и одежду.

– Я капитан Еремин и буду заниматься вашим делом. Назовите свое имя, – потребовал милиционер, разглядывая задержанную и пытаясь сделать для себя какие-нибудь умозаключения относительно молодой женщины. Но кроме одного – что она трезвая и весьма хорошо одета – в голову ничего более не приходило.

– Вера Круглова.

– С отчеством попрошу, – заметил задержанной капитан милиции и в очередной раз макнул перо в чернильницу, чтобы записать полученный ответ. То, что молодая женщина, сидящая против него, врет, он не мог и предположить.

– Вера Николаевна Круглова.

– Год рождения? – бесцветным голосом продолжал опрос капитан.

– Одна тысяча девятьсот двадцать третий.

– Место рождения?

– Город Ленинград, – столь же уверенно произнесла задержанная.

«Из эвакуированных. В начале войны их большая партия в Казань прибыла», – сделал еще одно умозаключение Еремин, после чего спросил:

– Где вы проживаете в настоящее время?

Нина назвала адрес Веры. Если уж начала врать, то нужно держаться этой линии до конца. Капитан аккуратно записал ответы Нины в протокол, после чего внимательно глянул на молодую женщину и спросил, почему она отказалась назвать свое имя дежурному сержанту. Нина легкомысленно – на взгляд капитана – пожала плечами:

– Не знаю. Что-то нашло на меня... Может, загрустилось.

– Что вы делали ночью на улице? – задал милиционер новый вопрос.

– Встречала Новый год, – на полном серьезе ответила Нина и посмотрела капитану в глаза.

– Как это? – не понял капитан. – В три часа ночи?

Взгляд женщины выдержать он не сумел и опустил глаза. Вообще, подобного рода задержанные встречались в его практике нечасто. Что-то подсказывало ему, что сегодняшний случай – особый.

– Да, – просто ответила миловидная молодая женщина. – Я смотрела на небо и надеялась увидеть мчащийся в санях на северных оленях наступивший молодой год. А когда бы я его увидела, то непременно загадала бы желание. И оно в

новом году обязательно бы сбылось.

— И сколько же вы так ждали... своих коней?

— Получается, что три часа.

Еремин наконец осознал, что над ним откровенно потешаются. Причем беззлобно, и что более обидно — мимоходом и отнюдь не собираясь оскорбить или обидеть.

Милиционер неприязненно посмотрел на Печорскую. Наверное, он бы провел с ней нравоучительную беседу, выпустил бы пар и отпустил на все четыре стороны, так как предъявить гражданке все равно было нечего. А потом, она совсем не походила на злоумышленницу. Но в это время дверь кабинета открылась, и в сопровождении начальника городского отделения майора Мишина и участкового уполномоченного старшего лейтенанта Бабенко в него вошел человек с важной осанкой. Держался он так же прямо, как гренадер на строевом плацу. Звали этого человека Валдис Гриндель...

Глава 4. У майора Щелкунова опять забирают дело

Старший следователь республиканской прокуратуры Валдис Давидович Гриндель, совсем недавно получивший классный чин советника юстиции, негодовал. Он не бил посуду, не рвал густую черную шевелюру и не крутился волчком вокруг собственной оси, пытаясь укунить себя за локоть. Он просто молча выражал крайнее неудовольствие, заметно сказывающееся на его внешнем виде: на сухощавом лице проступали крохотные красные жилочки, а левое веко подергивалось. Ему, столько сделавшему для спокойной жизни города и всей республики в целом (только участие его в деле «банды разведчика» чего стоит), поручают разобраться с жалобой какого-то там работника механической мастерской пишущих машин Инсафа Галиакберова. Наверняка человека очень недалекого и малообразованного, у которого, верно, под ногтями вечная чернота от типографской краски и который плохо изъясняется по-русски, поскольку всего-то лет пять-семь назад покинул деревню, название которой переводится как Горелые Пни.

А жалоба этого человека такова: старший оперуполномоченный капитан Еремин превысил свои служебные полномочия и практически сфабриковал дело на племянника Ин-

сафа Галиакберова – Фатыха Зарипова. А он к делу о хищениях муки из пекарни хлебозавода, производящей формовые сорта хлеба и армейские сухари, никакого отношения не имеет. И вообще, Зарипов – человек честный и законопослушный, ни разу не замеченный в каких-либо противоправных проступках. И он, старший следователь прокуратуры Татарской Автономной Советской Социалистической Республики, с погонями советника юстиции, что практически тождественно званию подполковника, в выходной день вынужден тащиться в одно из городских отделений милиции и разбираться с каким-то там оперуполномоченным, нагородившим несурзное в незначительном уголовном деле. И это когда вся страна законно отсыпается после встречи Нового года.

Впрочем, «тащиться» сказано, конечно же, для красного словца. На самом деле Валдиса Давидовича привезла «Победа», приписанная к прокуратуре республики, чаще всего возившая до того орденоносца, старшего следователя прокуратуры республики Николая Ефимовича Бабаева. После его выхода в отставку автомобиль был передан в распоряжение старшего следователя Гринделя, чтобы советник юстиции не тратил свое служебное время на поездки в общественном транспорте и приносил республике максимум пользы...

Когда Валдис Давидович в сопровождении майора Мишина и находившегося в отделении участкового Бабенко вошел в комнату оперов, то застал там Еремина. Помимо него, в ка-

бинете находилась миловидная молодая женщина, которую капитан допрашивал.

– Что тут происходит? – хорошо поставленным строгим голосом просил Гриндель.

– Здравия желаю! Веду допрос гражданки Веры Ивановны Кругловой, задержанной в ночное время конным нарядом милиции по подозрению в занятии проституцией, – энергично отрапортовал вскочивший со стула опер Еремин.

– А это не Вера Круглова, – вдруг подал голос прямодушный и бесхитростный участковый Бабенко. Ему, в связи с ночным вызовом на Грузинскую улицу, надлежало в это время не старшего следователя республиканской прокуратуры сопровождать, а дрыхнуть без задних ног в постели со своей супружницей Мариной, уткнувшись ей под мышку. А он, как доблестный служака, продолжал исполнять свой долг и даже ни разу не заикнулся начальнику отделения, что в данное время ему положено отдыхать. – Это Нина Александровна Печорская. Вдова повесившегося вчера вечером, а может, и убитого – это пока выясняется – коммерсанта Модеста Вениаминовича Печорского. Несколько часов назад я самолично присутствовал при ее допросе и осмотре квартиры гражданина Печорского на Грузинской улице.

– Вот как? Очень даже интересно, – оглядел Гриндель Нину, мгновенно потеряв интерес к Еремину, якобы состряпавшему фиктивное уголовное дело, ради чего он и прибыл в отделение милиции. – А кто ведет дело этого Печорского? –

обратился советник юстиции к Бабенко.

— Начальник отдела по борьбе с бандитизмом и дезертирством городского управления милиции майор Щелкунов, — отрапортовал Бабенко.

Валдис Давидович еще раз внимательно оглядел Нину:

— Задержанную Печорскую я забираю с собой. Приготовьте все бумаги по ней и передайте мне. Даю вам на все про все, — он глянул на наручные массивные часы и произнес: — шесть минут!

* * *

После дежурства Виталий Викторович проводил Зинаиду до дома. Она проживала на улице Малая Красная, которая была расположена неподалеку от места происшествия. В какой-то момент майор поймал себя на том, что ему доставляет большое удовольствие идти рядом с симпатичной девушкой. За всю дорогу они произнесли всего лишь несколько фраз, но молчание совершенно не тяготило. У Щелкунова было приподнятое настроение, и тому были причины: перешагнули в новый год, который обязательно должен быть лучше прежнего; ему нравилось, что первый день наступившего года был тихим и снежным; он радовался, что впереди у него целые сутки отдыха и можно вдоволь поспать, совершенно ни о чем не думая. И вообще, жизнь хороша, остается только пожалеть того бедолагу, что сунул голову в петлю (если ему,

конечно, не помогли). А ведь у Печорского было все, чтобы жить счастливо и дальше: рядом с ним была молодая красивая жена; он имел прекрасную квартиру и хороший доход, придававший ему уверенность в завтрашнем дне. И должно было случиться что-то очень из ряда вон выходящее, чтобы в один миг отказаться от всего, что было завоевано большим трудом.

– Вот мы и пришли, – произнесла Зинаида, остановившись на углу дома. – Я здесь живу, в этом доме. Кухонное окно справа, а другое выходит из моей комнаты, – указала она на два высоких окна на втором этаже.

– И как тебе здесь?

– Хотя квартира коммунальная, но все равно нравится.

– Очень тихая и красивая улица, – согласился Виталий Викторович. – Рядом с Казанкой. В конце улицы Фуксовский сад, я нередко туда прихожу и смотрю на реку.

– Вот как? – удивилась Кац. – Никогда не думала, что вы романтик. Мне тоже очень нравится это место. Почему же мы тогда не встретились, если вы часто сюда приходите?

– Не знаю, – пожал плечами майор, – наверное, не судьба была.

– А вы знаете о том, что мы сами делаем свою судьбу, – насупившись, возразила девушка. – Об этом еще товарищ Сталин упомянул в своей книге «Диалектический и исторический материализм». Вы чего улыбаетесь, я вам, товарищ майор, серьезно говорю, как сознательный комсомолец ком-

мунисту.

– Я не над твоими словами смеюсь, просто подумал о другом...

– О чем же?

– Если я скажу, так ты будешь смеяться.

– Не буду, признавайтесь!

– Нам бы о любви говорить, а мы с тобой о диалектическом материализме. Думаю, что товарищ Сталин нас бы не одобрил.

Девушка неожиданно отвернулась.

– Вот вы всегда смеетесь надо мной.

– Даже не думал... А ты знаешь о том, что вот в этом доме, – указал Виталий Викторович на противоположное здание, – до революции находилась частная типография Гросс. У моей бабушки до сих пор хранятся книги, напечатанные в этой типографии. В основном это были русские сказки, любила она мне их читать по вечерам. – В голосе Щелкунова прозвучала легкая грусть.

– Как интересно, – удивленно проговорила Зинаида. – Я вас никак не представляю малышом, сидящим на коленях у бабушки, которая читает любимому внуку сказки.

– И тем не менее это было... А вот дальше, на пересечении с улицей Бассейная, находится дом, в котором когда-то жил и работал писатель Максим Горький. Он так и писал о себе: «Живу в узком пространстве между шкафом магазина и стеной».

– Откуда вы все это знаете, товарищ майор? – невольно удивилась Зинаида.

– Просто интересуюсь историей родного города. Жалко, что литературы об этом мало... А почему улица Бассейная имеет такое необычное название, можешь сказать?

Повалили снежные хлопья, накрывая город словно марлей. На улице ни ветерка. Самая новогодняя погода. Вряд ли такая замечательная погода надолго – синоптики обещали через неделю крепкие морозы.

– Ну не знаю, – неопределенно пожала плечами девушка. – Может, внизу по улице какой-то бассейн раньше был. Но сейчас-то его точно нет.

– Правильно рассуждаешь, товарищ младший лейтенант, сразу видно, что следовательно... Был там бассейн. И предназначен он был для противопожарных нужд. Ну а потом его за ненадобностью засыпали.

Щелкунов обхватил девушку за талию и притянул к себе. Почувствовал на своей шее легкое девичье дыхание. Некоторое время они стояли неподвижно. Мимо прошла шумная молодежная компания, громко поздравила их с наступившим Новым годом и с веселым смехом последовала дальше. Тепло девушки чувствовалось даже через толстый драп пальто.

– А правду говорят, что у вас была девушка, которую вы очень любили? – неожиданно спросила Зинаида.

– Правда, – признался Виталий Щелкунов.

– И как ее звали?

– Людмила.

– И почему же вы тогда с ней расстались, если так крепко любили?

Возникла пауза, которую Зинаида не желала прерывать, терпеливо дожидаясь ответа. Прошрое, засыпанное пеплом давно умерших переживаний, удалось извлечь не без труда.

– Я с ней не расставался... Она была врачом и в сорок втором добровольцем пошла на фронт. – Щелкунов говорил так, будто ковырялся в своей душе ржавым гвоздем. – А через полгода Людмила погибла, мне даже неизвестно, где она похоронена.

– Я этого не знала, Виталий Викторович. Извините... Представляю, как вам было горько.

– Там, где была рана, теперь большой кривой рубец. Порой он сильно ноет. Мы ведь с Людмилой вместе решили пойти на фронт. Думали, что и служить будем где-то рядом. Только вот ее взяли, а меня нет... После ее гибели я три раза подавал рапорт с просьбой отправить меня на фронт, но ответ всегда был один: «А кто будет граждан защищать, которые своим трудом помогают фронту?»

Девушка осторожно отстранилась.

– Уже холодно, нужно идти домой. Спасибо, что проводили.

– Что ж, я пойду, – после длительной паузы произнес Щелкунов. – Непростой был день. Нужно отдохнуть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.